

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ–15

(В русском жанре – 75)

””

Однажды (11 декабря 2018 года) я писал М.О. Чудаковой:

«Дорогая Мариэтта Омаровна, если найдёте минутку, ответьте, пожалуйста, на вопрос: какие были основания у Булгакова показать Шполянского властелином женщин? О Шкловском я ничего на этот счет не знаю, а в “ZOO” автор-герой даже жалок. А если Булгаков придумал всё это, то зачем? Ведь подобный мужской ореол у читателя (и читательницы тем более) вызовет восхищение, но прототип Шполянского автору ненавистен».

Она ответила мгновенно:

«Похоже, что были!

Отбивал у Тынянова – друга! – одну из первых красавиц Петрограда Вету Долуханову. И потом – известно было, что он – человек биологической храбрости. Этот запах всегда кружит голову нам, женщинам».

Словам Чудаковой, разумеется, нельзя не верить, и тогда еще большей загадкой остаётся случай, когда Шкловский, в апогей травли Пастернака находившийся в Ялте, не поленился сходить на почту, чтобы телеграфно присоединиться к общему хору. Впрочем, нет, не загадкой: им двигал не страх, а зависть.

Поскольку антипастернаковскую акцию они проводили в Ялте вдвоем с Сельвинским, можно предположить их взаимную аккумуляцию: «Нас тоже не печатали! Наши публикации тоже осуждали! Мы вообще нонконформисты, но мы же не...»

””

Недавно во сне меня стали донимать строки, которые, как это и бывает во сне, я без конца повторял, но более всего злил не повтор, хотя во сне это очень утомляет, как и повторы одной мелодии, а злило то, что я, точно их не помня, повторял «хлебнувший крови сокол», отчётливо сознавая, что у Пастернака не может сокол хлебнуть, и только наутро, проверив, успокоился:

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.

Эти стихи я впервые услышал от друга детства, одноклассника Илюши Петрусенко. Он, что я понимал даже тогда, обладал куда более тонким восприятием литературы, чем я.

Отец украинец с Украины, с матерью они разошлись, когда мы учились в начальных классах. Он был жесток с сыном, который показывал нам синяки на задку, заработанные за двойку. Синяки были с крылышками, от форменного ремня отца, который служил в гражданской авиации, но не летчиком, а техником на земле. Был он человеком не только

жестоким, но и беспутным, вечным перекасти-полем с амбициями. Спустя много лет Илья нашел его в Одессе, где он жил с какой-то подругой, вконец опустившийся, но с теми же претензиями, которые вели его по жизни, всё более ожесточая.

Мать еврейка была врачом. В нашем городе была тогда целая плеяда женщин военного выпуска мединститута, ушедших на фронт. И Анна Григорьевна прошла всю войну, и её сын полагал, что это было её самое счастливое время, и показывал небольшое фото группы молодых людей на пляже с надписью «Варна, 1944».

””

Литературные произведения, бывало, рождали в жизни тургеневских барышень, или роман Чернышевского «буквально перепахал» Владимира Ильича, или строки Сергея Есенина «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей» вызвали волну самоубийств, но я лишь недавно впервые встретил человека, которому книга с детских лет задала жизненные позиции.

В нашем сельском посёлке, где хозяева постоянно что-то строят, ремонтируют, сажают и убирают, я обратил внимание, что один мужчина при мне построил амбар, гараж, обнёс участок забором, и всегда без чьей-то помощи. Бывали и гости, но к своей работе хозяин их не привлекал, как и жену с дочерью. Я решился его о том спросить.

Родился и вырос он в уральском селе, где в скудной школьной библиотеке за *хорошими* книгами, как «Граф Монте-Кристо», была очередь. Однажды он прочитал «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», и сдав книгу как положено в срок, тут же записался на неё. Так он прочитал «Робинзона» трижды и решил, что человек в состоянии всё сделать сам без посторонней помощи, чему все шестьдесят лет жизни и следовал.

””

На последней странице преysкуранта ресторана «Пекин» четыре бледных резиновых штампа: 15 апр 1978, 17 апр 1978, 18 апр 1978 и 19 апр 1978. Отсутствие 16 апреля объясняется воскресеньем. Еще в интернете про этот день я узнал, что родился Иван Ургант, в Донецке миллионный житель, а все советские газеты напечатали «Призывы ЦК КПСС к Первому мая».

В тот день я впервые, а по существу и однажды, если не считать какой-то букеровской тусовки, побывал в «Пекине». Пригласил пообедать пасмурным весенним днем Олег Михайлов с девицей. Кроме меня был Дмитрий Анатольевич Жуков, сегодня известный лишь как отец путинского соратника, а тогда преуспевающий писатель, автор множества книг, как в жанре научной фантастики, так и исторических биографий, а также переводов с английского. Сейчас прочитал в Википедии, что он якобы «из-за отказа от вступления в КПСС был отстранён от заграникомандировок». В свою любимую Югославию на моей памяти он ездил бесчисленно, бытовала же версия исключения Димы Лося (прозвище) из КПСС за какие-то профессиональные, по линии ГРУ, преступления. По выправке и манерам он принадлежал дворянскому роду, а в остальном это был обычный представитель отряда патриотов-единомышленников.

Преysкурант вделан в нарядную ярко-зелёную обложку с фигурками китайской графики. Его схватил со стола Олег, пребывавший в давнишнем запое, когда барышня капризничала, как и положено невесте, а тем более «невесте».

В отпечатанный голубым шрифтом перечень блюд и напитков на ч/б машинке впечатали их почти полную замену, ведь то было время конфликта с Пекином не в кавычках. Так что кур по-сычуански, жаркого «сы-бао» и компота с семенами лотоса отведать не довелось.

””

С детства я не боялся лечить или вырывать зубы. До Ольги Тобольской. В те времена в Саратове дантисты резко делились на две категории. Немногие с высшим образованием, а остальные – выпускники двухгодичной школы при медицинском училище (в СМИ стоматологического факультета не было), как и Ольга, наша соседка, сноха саратовского поэта.

У меня тогда не на шутку разболелся верхний зуб, и тут при лестничной встрече Ольга предложила мне свою лечебную помощь. Работала она в какой-то сомнительной энгельской поликлинике, куда я и поехал на своем мотоцикле «Ява-250». Увидя ту чуть ли не фанерную избушку на территории клейзавода, и вероятно к нему же относящуюся, надо было повернуть назад, но увы. Расписывать пребывание в Ольгином кресле не стану, улыбка не сходила с её лица и тогда, когда, не сумев вырвать зуб щипцами, она окликнула: «Тетя Паша, иди сюда!» И вручила подошедшей коренастой санитарке небольшую кувалду, которой та стала бить по вставленному мне в рот долоту. За долгую последующую жизнь мне больше не встретится стоматолог, который не в состоянии удалить зуб щипцами. А времени, проведенного в обществе Ольги и тёти Паши, стало достаточно, чтобы на многие годы поселить во мне животный ужас перед креслом стоматолога. Остается удивляться, как за рулём «Явы» я преодолел дорогу до Волги и мост до Саратова.

””

Дневник Чуковского. 14 марта 1928. «Осип Мандельштам, отозвав меня торжественно на диван, сказал мне дивную речь о том, как хороша моя книга “Некрасов”, которую он прочитал только что. Мандельштам небрит, на подбородке и щеках у него седая щетина. Он говорит натужно, после всяких трех-четырёх слов произносит м-м-м, м-м-м, и даже эм, эм, эм, – но его слова так находчивы, так своеобразны, так глубоки, что вся его фигура вызвала во мне то благоговейное чувство, какое бывало в детстве по отношению к священнику, выходящему с дарами из “врат”...» Далее о том, что М. считает его книгу о Некрасове романом, потому что там есть настоящий герой, каких не бывает в советских романах.